

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(Продолжение.
Начало на 1-й стр.).

своему величию, этот маленький чином человек, великий своей беззаветной любовью к простой девушки! Нараше, велики верности этой любви. Любовь — это его республика, если хотите, его конституция. И поэтому он тоже — сила, Евгений, а не одна только покорность. Но что поразительно — это понимает сам Петр. Медный узел давно — памятник на склоне — в понимает. В противном случае зачем же ему тогда, абсолютно самодержцу, стоило спустя, так не по-императорски болезненно реагировать на угрозу какого-то там бедного, мало что значащего для него чиновника? В самом деле, зачем?

Могут возразить: это же происходит в помутненном сознании безумца! А totalmente ли безумца? Если же это действительно так, то в таком случае какой смысл говорить братцы за перво? Все здесь гораздо сложнее. Безумство здесь — не ради безумства, а как форма гражданского проявления, как политический жест протesta, причем протesta куда более решительного, чем, скажем, в «Горе от ума» Грибоедова. Так просвещенный ум, порывая с невежеством салона, ищет для своего оскорблениного чувства всего лишь утешения, не больше, здесь же, у Пушкина, короткая фраза угрозы «уко тебе» по своему вмоподобному и политическому месу ищущий не слабей «железно-звонкого скандинава по потрясенной мостовой». Это даже больше, чем угроза, это — прямой вызов самодержавию. «Уко тебе!» — и, четверть века спустя, после расправы с декабристами, поднимется, как отзыл, новая волна революционно-демократического движения — различники.

А был ли заговор против самого Пушкина? Все упирается на то, что было. Цель заговора: сломить, парализовать волю поэта, оставить политический жар его слова, удалить духовное от декабрястов. Одна ссылка следовала за другой. Но каждая ссылка генерии в народ, в глухую пропасть, делала его впрочем поклоненному оквиданию всех его величайших гонителей и художников еще более гениальными в творчестве и еще более неупастичными в своих демократических возвратах.

И тогда его соглаши... в камеры-лонгеры, в абсолютно никем и уязвимый для поэта, чопорный ритуал дворца, соглаши для того, чтобы, с одной стороны, искать покровительствовать ему с драчной высоты монашеской особы, а с другой — грози сличничать вокруг него, изводить интригантством, по любому поводу и без повода указывать, пригнинуть ему душевную боль, да бы таким способом унизить в нем гениев и человека, принести его к покорству. Но великий поэт не только не унизился, а, как потом огненно напишет Лермонтов, восстал «против мыслей света» и гордо вышел на рубеж Черной речи — на рубеж своего Бородина и Сенатской площади одновременно.

И вот прошло уже 150 лет с той очень горестной для

каждого из нас минуты, когда черный выстрел заставил остановиться сердце поэта. Но он, этот черный выстрел, не смог и уже не сможет никогда заставить остановиться мир его великого слова — мир его пламенной лирики, изумительных пейзажей в стихах прозе, мир целой вереницы неподражаемых судеб, характеров, лиц на страницах его блестательных и философских мудрых поэм, мысли его трагедий и повестей, на страницах его венецианской эпопеи, на закрытых дверях. Нынешняя зима еще раз убедила, что тепло в нашем общем доме надо якак экономить. Да и то сказать: истинные поэты никогда, даже при самых сложных обстоятельствах не пускались в бега. Ни Малиновский, ни Блок, ни Есенин, ни Пастернак, ни Твардовский, ни Ахматова, ибо они всегда осознавали себя живой частичкой народа, оставаясь с ним во времени, не столь изоблачившие максимум демократии, как нынешние...

Добавляю: как раз нынешние процессы обновления, происходящие в нашем обществе, создают тот оптимальный духовный и морально-этический климат, в котором Пушкин дышался бы особенно легко и свободно. На полную грудь, как сегодня дышит его гениальная поэзия.

Да будет вовеки благословен тот день и час, когда придет этот мир Пушкин! И да пребудет в добром духе Таврической губернии, письмом которых он обрея свое бессмертие.

Еще в 20—30-е годы прошлого века каждый грамотный украинец бережно передавал его стихи в семейные тетради. Переписывая, не просто под настроение, а осознанно, пытаясь добить в них ответы на мучительные искания выхода из тупика безвременя.

Но вот что главное: и самые забытые низы, у которых не только земля, а и небо, назасались, было отнято, все же сумели в горных сферах не только найти, но и оценить светоносную силу племянника Пушкина. Это тем поразительнее, что, по уверению Ленина, «такой другой нации как величина посторонней» — четыре стороны объема: мысль, сознание, страсть, право. Разрыв между ними чрезвычайно велик, и в этом случае быстрый исцелением жизненных ресурсов земли — угля, нефти, урана... Ведь они не возрождаются. Все иже и ниже опускается и разрастается в объемах пустоты, исчерпанных подземелья и все выше и выше — в заблески и в космос — поднимается убойный ядерный огонь. Рукотворные запасы его уже таковы, что в случае чего он способен будет охватить собой не только Землю, но и Луну и всю Солнечную систему... Разве это не явление разума? В том же направлении идет нравственное опустошение посредством глевторной агрессии масскультуры... И тут бессмертный глаз Пушкина, в который уж раз планетарно вглядят себя как незакатный глаз радужи, глаза великой единительной силы, светло противостоящие распаду — физической и духовной.

Пушкинское — «Да здравствует разум!» — в нашем диалоге с Западом играет роль заглавной и вместе с тем опорной строки не только на уровне самых высоких образцовых занятий, но и на уровне души. «Да здравствует разум!» — это значит: да здравствует живой!

Да здравствует Пушкин!

И вот отгузкал роковой выстрел, и всполошившиеся волны заново вернулись на головы макушек деревьев...

И заново торопим мы жару, как будто есть еще способ спасти его...

Но коломогоры уже звонят...

И заново сегодня слово наше...

Полтора столетия отделяющие нас от Пушкина, отнюдь не малый срок. А если учить, что еще задолго до него на европейской поприще уже возникли такие мощные фигуры, как Гомер, Данте, Шекспир, Гете, и более поздний, почти современный — романтик Байрон, передтворившийся из мудрых мира сего: не спешить бранить солдата, идущего не в ногу с полком, ибо может стать, что он умеет смыть марши грязных веков. Пушкин как раз и смывал их, равнял свой шаг по шагу народа, за которым все сказано.

Не надо забывать, что в ее слишком русском окружении цари были и корнейные оружие, и они же уж, до скончания земли, знали характер родной черни, отдавали себе отчет в том, какая силы взрывы производят, когда соединяются критические массы этих двух стихий — народа и Пушкина! И поэтому романический выстрел прозвучал именно в тот миг, когда Пушкин в своем стремлении и полноценном слиянии с народом был за полнага от него.

Казалось бы, временные все было учено. За исключением главного: можно сорвать человека, но ведь народ то убить нельзя! Не учено было и то, что в ту пору уже народ шел к Пушкину. Не учены были и последствия, и выводы, и кончины сами же подтолкнули сограждан: система, которая в споре с поэтами такого масштаба прибегает к пистолету как последнему аргументу, вступает уже и спор с самим народом. Следовательно, собственно расписывается в своей исторической несостоятельности. Ровно через восемь десятилетий это было решительно подтверждено в тот антибюрократический день, «когда народы, распрыгнувшись, в величую семью соединились».

Каждого из нас минуты, когда черный выстрел заставил остановиться сердце поэта. Но он, этот черный выстрел, не смог и уже не сможет никогда заставить остановиться мир его великого слова — мир его пламенной лирики, изумительных пейзажей в стихах прозе, мир целой вереницы неподражаемых судеб, характеров, лиц на страницах его блестательных и философских мудрых поэм, мысли его трагедий и повестей, на закрытых дверях.

А иные, не утоляя амбиций быть залесенными в сплошной штатной единице истории, даже оставляли берега родной Отчизны. Ныне, правда, некоторые уже возвращаются, или пытаются возвращаться. Весьма похвально,

конечно. Третий еще колеблются: ехать или не ехать. Тоже не засыпь, трагично-ничего особенного, как свидетельствует прапантина, туда выехала.

Хотя некоторым слишком уж суевидным квартрантом стояло бы напомнить: смыслы открытым обществом вовсе ведь не в том, чтобы креисировать туда-сюда и обратно, почтне закрытая дверь. Нынешняя зима еще раз убедила, что тепло в нашем общем доме надо якак экономить. Да и то сказать: истинные поэты никогда, даже при самых сложных обстоятельствах не пускались в бега. Ни Малиновский, ни Блок, ни Есенин, ни Пастернак, ни Твардовский, ни Ахматова, ибо они всегда осознавали себя живой частичкой народа, оставаясь с ним во времени, не столь изоблачившие максимум демократии, как нынешние...

Добавляю: как раз нынешние процессы обновления, происходящие в нашем обществе, создают тот оптимальный духовный и морально-этический климат, в котором Пушкин дышался бы особенно легко и свободно. На полную грудь, как сегодня дышит его гениальная поэзия.

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал и народу до него, как он. Пушкин до сих пор для нас новое слово. Да и не только новое, но еще незаобранные».

Однако же — тема еще. «Знаем его, как он народ любил, такой любви никто не оказывал

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(Окончание.)

Начало на 2-й и 3-й стр.)

тревожному времени и думам кной раз, что искусство ясное, простое, мудрое и классически уравновешенное является привлекательностью бывших, идеалистических времен, а наши дни требуют искусства, нарочито усложненного, жесткого, крикливого, дистармоничного, и что только такое искусство выражает дух нашего времени. Нет ничего ошибочней такой точки зрения. И лучший пример тому — Пушкин. Пушкин жив в исключительные бурные времена. Это была эпоха Белийской французской революции, Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов. Именно в такие бурные времена возникают особо гармоничные художественные натуры, воплощающие в себе высшее устремление человека, устремление к внутренней гармонии человеческой личности в противовес хаосу мира. Пушкин не болен ни мрачными темами трагических ситуаций. Но он умеет преодолевать трагизм, подчеркивая изначально высокое предназначение Человека — созидаеля и творца своей природы.

Меня неизменно захватывает необычайная глубина мыслей, заключенных в ма-

ленькой трагедии «Моцарт и Сальери». И не только потому, что Пушкин проявил здесь поразительно тонкое и глубокое понимание самой природы музыки. Мудрые слова поэта «гений и злодейство — две вещи несомненные» остаются на века законом жизни и непременным условием художественного творчества. Рисунок портрета Моцарта, он приносится к высшим тайнам искусства, трактуемого им как свободное выражение человеческого духа, неподвластное умозрительному расчету. Бессознательный, божественный творческий дар Моцарта — это дар прежде всего мелодичный. Согласно Пушкину — именно мелодия, вдохновленная, воззвавшая, летящая от сердца к сердцу, и составляющая тайну музыкального творчества. Думается, что эти истины сохранили все свое значение и для нашего времени.

Обращаются сегодня и завтра великого поэта, память которого мы всенародно чтим, хочется вновь и вновь подчеркнуть незыблемость его эстетических и нравственных идей. Люблю художество Пушкина рассматривает как благородное, совместное служение добру, как радость приобщения к нему широчайшего круга людей.

Выступление

Кирилла Лаврова

Десятого февраля... Уже на дата, памятная всей России и всему советскому народу. Я часто прохожу мимо памятника, установленного на том месте, где обнаружили его жизнь. Сейчас, в эти дни, там настоещее паломничество. Тысячи людей идут к этому святому месту. Памятник уточняется в цветах. И вот что мне кажется символично. Тогда, сто пятьдесят лет тому назад, Пушкин, отправился из этого рокового места, ехал за город. Теперь это место, за которым, принадлежит центру Ленинграда. По мере того как город рос, а в особенности в советское время, место души все приближалось к центру. Вот так и сам поэт, по мере того как отделялся от нас его физическая жизнь, приближается и приближается к нам в своей духовной мощи. Все-таки, сколько бы мы писали о Пушкине, а о нем составлялась за полтора столетия прекрасная и поучительная библиотека, всегда останется каким-то необыкновенным чудом его все-проникающие влияния на духовный мир нашего народа. Прознозисы: «Пушкин — светит на душу...»

Да... В Ленинграде день его гибели обретает особое звучание. Ежегодно в этот день, как и полтора века назад, люди идут к его последней квартире на Мойке и к этому месту из Черной речки. Пушкин навсегда теперь часть души нашего народа.

Когда кумиша о прошлом нашей Родине, о тех великих духовных богатствах ее, которые привели к нам из глубин веков, из дали времен, думается о том, что одни из самых великих, что сохранились в веке, — это он, Пушкин. Самое величие и самое блаженное, воззвавшее и детски простое. Он был и остается для нас идеальными русским человеком. С его любовью к своему народу и с его открытым всему лучшему, что есть в мире. В нем соединились лучшие нравственные свойства народа. Он верил в разум, в необходимость вечного поиска истины, верил в совесть и честь, он обладал спокойным, непознанным мужеством, но ему были свойствены и терпимость, и милосердие.

И еще мне кажется, Пушкин умел слушать жизнь. Как никто, он слышал ее неизменный ход, ее музыку, ее мелодию. Он воспринимал жизнь в целом, не отбирая

и вместе с тем город-символ делает это особенно актуально. Его многогранность, его таинственная изменчивость, его соседство и борение со стихией моря и стихией Неба — все это — это Пушкин! Его сценические вещи требуют для своего воплощения нового, философского театра. И мне кажется, именно сегодня, когда мы все переживаем времена революционных перемен и борьбы партии за приданье нашему обществу новой гармонии и новой чистоты, такой философский театр особенно созвучен дню, сегодняшнему.

Драматургия Пушкина требует от художников высокого бессюжетного помысла, каждого истины, любви к человеческому признанию его ценности.

Прошло сто пятьдесят лет с того рокового зимнего дня. Все эти годы живет и будет жить вечно в душе народной образ великого поэта. И сегодня, когда мы вступили в год семидесятилетия Октября, мне хочется заночинить словами современного поэта Эдуарда Багрицкого:

Я мстил за Пушкина под
Перекопом,
Я Пушкина через Урал
Пронес,
Я с Пушкиним шатался
По окопам,
Покрытый винами, гололеди
И бос.
И сердце колотилось
Безотчетно,
И вольный пламень
В сердце зажигал,
И в сине пурпурной
Путевматной
Я вдохновенно Пушкина
читал
Идут года дорогой
Наукойной,

и в ней одно и отбрасывая или не слыша другое. Узость чувствований и узость мышления были ему чужды. Только гений, обнимющий всю жизнь, мог сказать:

«Истиня страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум для драматического писателя».

Эта пушкинская формула до сих пор является основополагающим законом театрального искусства.

Можно бесконечно говорить о произведениях Пушкина на сцене. Кажется, ни один классик не иссекнулся принципом исторической драматургии как принципом народности литературы прежде всего, но и выдвинул гениальную по глубине, точности лаконизму формулу сценического искусства.

В 1830 году в своих извле-

стных набросках и статье «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодине Пушкин не только обосновал принцип исторической драматургии как принцип народности литературы прежде всего, но и выдвинул гениальную по глубине, точности лаконизму формулу сценического искусства.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

«Моя замечания об русском театре» — статьи написаны двадцатилетним поэтом. Поражают масштаб мысли, широта взгляда.

В 1830 году в своих извле-

стных набросках и статье «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодине Пушкин не только обосновал принцип исторической драматургии как принцип народности литературы прежде всего, но и выдвинул гениальную по глубине, точности лаконизму формулу сценического искусства.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

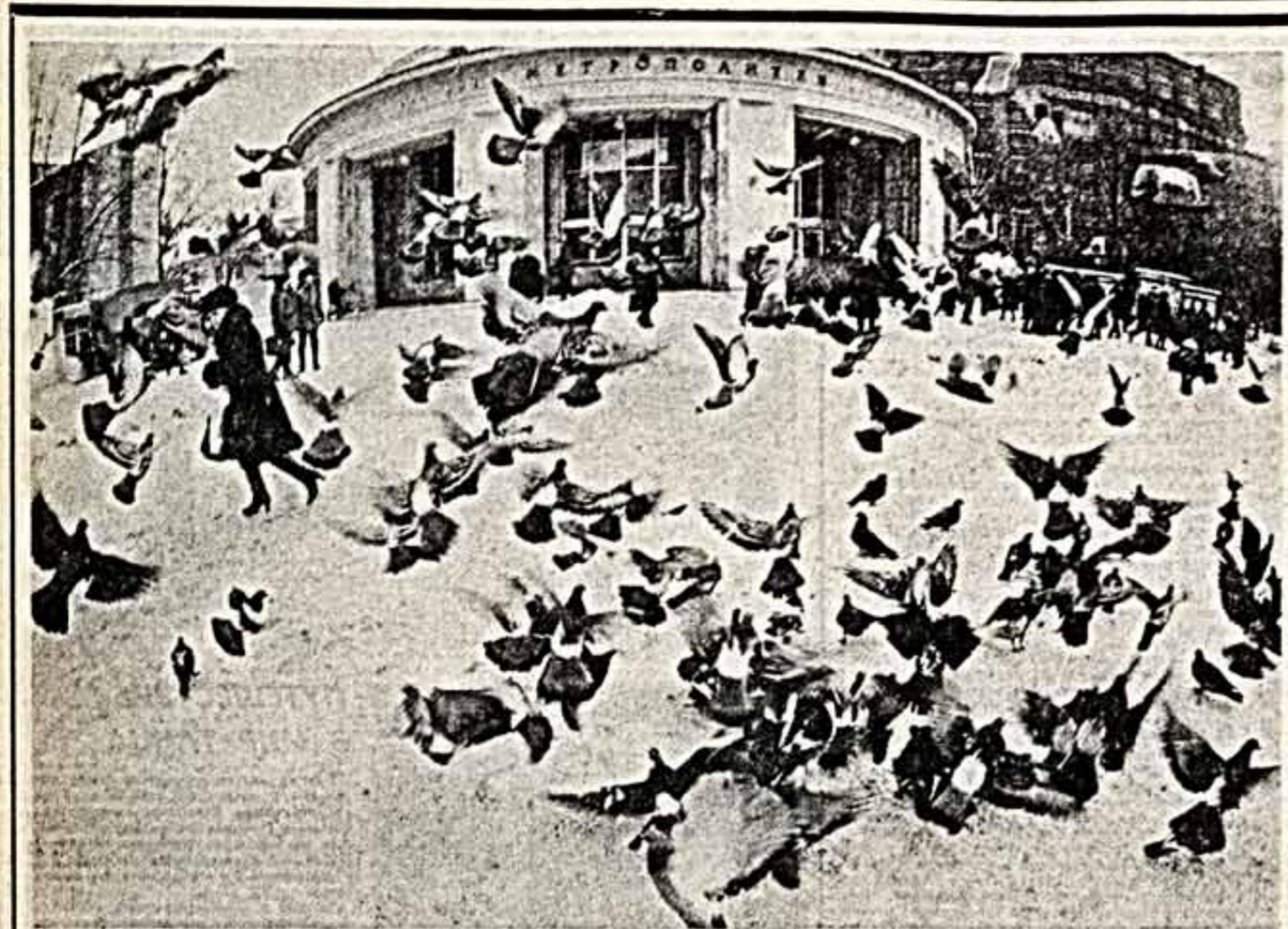
Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным.

Пушкин и театр — тема неисчерпаемая. Он любил театр, верил в его бессмертность. Театр был для него «волшебным краем», местом воссторга и вдохновения. И хотел бы напомнить, что основы современной науки о театре заложены именно Пушкиным

ФОТОКОНКУРС • П. МАКСИМОВ. «Московские голуби».

НЕУДАЧНИК... МОЦАРТ

Все дети гениальны. Но в разряд «ундервудов» попадают лишь избранные. А что ждет таких ребят в дальнейшем? Помогает ли им общество не потерять свою одаренность?

Специалисты считают, что не всякие «ундервуды» хороши, а лишь те из них, чьи выдающиеся способности оказываются социально полезны. Первым делом называют Моцарта: малыш своей игрой доставлял истинное удовольствие людям всех возрастов, а его детские сочинения трогают и до сих пор.

Потом следуют основатели «науки науки» — кибернетики Н. Винер, который поступил в университет в двадцать лет, а спустя два года добился первой учченной степени: В. Гого, уже в пятнадцать лет обративший на себя внимание Французской академии; А. С. Грибоедов, в одиннадцать лет ставший студентом Московского университета, а в пятнадцать — выпускником философского факультета, причем прослушавшим курс по двух его отделений — словесном и юридическом; И. И. Мечников, гимназийские годы публиковавший статьи в научных журналах и за два года окончивший университет в Харькове. Называют имена Паскаля, Лейбница, Гусса...

Статистика свидетельствует, однако, что только тридцать процентов «ундервудов» с годами добиваются исключительного успеха и, став взрослыми, бывают достигают значительных высот. Для остальных же привнесли свой, вполне научный термин: они «сравниваются» со сверстниками. Но вопрос: с чего бы это вдруг им «сравниваться», если у них «перевозяющее развитие», специалисты, как правило, отмечают долгим, задумчивым взледом. Один психолог, запрокинув голову и глядя в высокий потолок студенческой аудитории, где мы недавно вели разговоры о быстро собирающихся детях, сказал нам: «Вы мыслите слишком прямолинейно...». Может быть, и так, но все-таки ответа на мой вопрос нет даже в специальной литературе. Там лишь говорится, что у каждого высоходаренного ребенка своя судьба. Какими гибким умом нужно обладать, чтобы прийти к такому выводу!

Вместе с тем литература упоминает серьезное научное исследование, начатое в США в двадцатых годах и завершившееся через пятьдесят лет. Были отобраны полторы тысячи девочек и мальчиков, которые резко выделялись среди сверстников яркой познания и различными творческими открытиями. Ни их не упоминали из виду из самой старости. К концу исследования было сделано вывод, что каждый «ундервуд», где бы он ни учился или ни работал, везде и всегда приносил знания и умения выше среднего уровня. У нас, судя по всему, прошли такого исследования времена времени не было. Поэтому психологическая наука, в сущности, не отвечает на волнующий вопрос о судьбах «ундервудов». Хотя со всей серьезностью признает их существование, а также уверенно говорит, что в жизни им приходится трудно.

Увы, это так. Среди сверстников у них по большей части нет друзей. Дома подобные девочки всегда имают дело с глубоко обеспокоенными за них заботами родителями, которые стараются не давать им заниматься тем, чем хочется: читать научную литературу «для взрослых», изучать языки, историю, решать задачи, предназначенные для студентов высшей школы, и т. д. Довод: «Не хотят лишать детства». Ну, а в школе? Там основная масса учителей раздражается от присутствия в классе «весьединки», который тем не менее с первого класса часто плеется в числе неуспевающих. Хотя со всей серьезностью признает их существование, а также уверенно говорит, что в жизни им приходится трудно.

Ну и т. д. Среди сверстников у них по большей части нет друзей. Дома подобные девочки всегда имают дело с глубоко обеспокоенными за них заботами родителями, которые стараются не давать им заниматься тем, чем хочется: читать научную литературу «для взрослых», изучать языки, историю, решать задачи, предназначенные для студентов высшей школы, и т. д. Довод: «Не хотят лишать детства». Ну, а в школе? Там основная масса учителей раздражается от присутствия в классе «весьединки», который тем не менее с первого класса часто плеется в числе неуспевающих. Хотя со всей серьезностью признает их существование, а также уверенно говорит, что в жизни им приходится трудно.

Увы, это так. Среди сверстников у них по большей части нет друзей. Дома подобные девочки всегда имают дело с глубоко обеспокоенными за них заботами родителями, которые стараются не давать им заниматься тем, чем хочется: читать научную литературу «для взрослых», изучать языки, историю, решать задачи, предназначенные для студентов высшей школы, и т. д. Довод: «Не хотят лишать детства». Ну, а в школе? Там основная масса учителей раздражается от присутствия в классе «весьединки», который тем не менее с первого класса часто плеется в числе неуспевающих.

То, что «чудо-ребенок» в средней школе обычно числится в неуспевающих, стало научным фактом. Близительно одаренный, скажем, в математике, ученик хронически получает тройки, двойки и колы по чтению, венанию, литературе, физкультуре... Сейчас в одном высшем учебном заведении учится мальчик, который настолько чудесен, что не заслуживает никакого внимания, и с его помощью неудачники в изобретательском процессе, издающиеся в различных областях, находят себе место. Статья А. Чегодеева — трубочный глас об этом!

А. КАМЕНСКИЙ, кандидат искусствоведения.

Выйти из анабиоза

Я полностью разделяю все основные позиции статьи Андрея Дмитриевича Чегодеева «Наука об искусстве: сигнал тревоги». Старейшина нашего искусствоведческого цеха с радостной искренностью и искренностью перестроек, изменения и совершенствования структуры научных отделов, улучшения планирования, выявления наиболее перспективных для науки тем исследования. Работа в настоящее время активно проводится в музеях — это такие создание выставок. Намин полагает, что ни подготовка состоит в одной лишь организационной работе. За реализацию таких выставок, как «Искусство Византии в собраниях СССР», «Москва — Париж», «Портрет в европейской живописи», «Метаморфозы», и других стоит больше авторских коллегий ученых и многолетних трудов по созданию новых концепций развития искусства. Каталоги таких выставок — это научные труды самого высокого класса. Научные выставки не только обобщают знания предмета на сегодняшний день, но и делают честь к дальнейшему развитию науки об искусстве.

Все эти разнообразные виды деятельности музеевских работников не исключают, более того, подразумевают как непременное условие область так называемого «чистого» искусства. В Государственном музее изобразительных искусств, «Изобразительное искусство: подготовленные музеи», подготавливавшие выставки, каталоги, монографии, периодические издания.

Приходят к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

Приходя к «чистому» искусству, поднятой статьей профессора А. Д. Чегодеева, не вместе с тем не может согласиться с его оценкой научных коллективов ведущих музеев страны. Мы не скрываем нашего намерения изложить чистую музыку, более того,

считаем это обязательным склонением членов коллектива.

ПЛАНЕТЕ ВЫЖИТЬ, ПЛАНЕТЕ ЖИТЬ!

Карел Чапек

Конечно, словесное осуждение еще не действует — это правда, но равнодушное молчание — уже дурной поступок, уже сочувствие в преступлении, бесчеловечное и подлое.

1984 г.

Томас Манн

Духовный упадок, загнивание культуры, равнодушие к злодейским юстиции, поставившей себя на службу политике, самоуправство чинуш, безрассудное стяжательство, отмирание понятий «праведность» и «вера», — все это, порожденное и, во всяком случае, стимулированное двумя мировыми войнами, плохое средство для предотвращения третьей войны, которая была бы равнозначна гибели цивилизации.

1954 г.

Чарльз Перси Сноу

Я всей душой верю, что сегодня нам необходим мир, и особенно мир во взаимоотношениях между двумя величайшими державами — Советским Союзом и США. Я верю в дух Хельсинки, в дух разрядки и не раз высказывался в их поддержку и у себя на родине, и в Америке.

1976 г.

Анатолий АЛЕКСИН, писатель (СССР):

Чтобы счастливы были дети

Помню фотографию военного времени: гитлеровец, дядя ширко расставил ноги, целился в спину, что они телом, всем в существе своим прикрыты от пули ребенка. Термоядерная военная опасность тоже целилась в детство... И наш общий долг — уничтожить эту смертельную опасность.

Думают, у многих участников предстоящего Международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» есть дети, есть внуки. Но честный человек думает не только о юных членах собственной семьи, но и о юном поколении всей планеты. Так как форум непременно устранит свою избор и в день грядущий, и в будущем, проявят заботу о тех, кому жить в этом грядущем.

Не раз уж я писал о том, что мы, детские и юношеские писатели, перефразировали известную поговорку так: «Сколько, как ты относишься к детям, и сколько, что ты для них делаешь». Верю, что форум устранит к детям отношенне веномист материнского, отеческого. А это значит, что будут, в надежде, обсущдены даже не главные из проблем, волнующих человечество: как защитить детство, отчество и юность (будущее наше!) от ядерного укуса, от загрязнения внешней среды и среди внутренней, то есть уберечь даже и разум тех, кто еще только обрается зрелостью.

Карло ЛИДЗАНИ, кинорежиссер (Италия):

В войне не будет победителей

Я с большим удовлетворением принял приглашение в Советский Союз и принял участие в международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества». Предстоящий форум — очень важная и актуальная инициатива. Он проводится в момент, когда нарастающая необходимость принять решительные шаги, чтобы спасти мир от ядерной катастрофы. В Москве я был неоднократно, и встречи с советскими кинематографистами, но не такую историческую встречу яду впервые. Думаю, что московский форум, на который собираются представители столичных народов, внесет большой вклад в борьбу за сохранение мира.

Проблемы мира и разоружения не терпят отлагательства. Прежде всего, и считаю, надо добиваться всеобщего соглашения по сокращению вооружений между двумя великими державами — СССР и США. Для этого необходимо мобилизовать широкое общественное мнение во всех странах. Надо во что бы то ни стало избежать войны, в которой не будет победителей. Советские мирные инициативы, выдвинутые в этом направлении, заслуживают самого пристального внимания. Необходимо добиваться взаимоприемлемых соглашений по разоружению между СССР и США, стремясь к проведению новых советско-американских встреч в зарубежье. Мирные инициативы СССР являются хорошей базой для продвижения по этому пути.

Планы американской администрации, направленные на создание пресловутого «космического щита», — это настоящие безумие, особенно в наши дни, когда на земле накопилось так много неотложных социальных и экологических проблем. Просто немыслимо и преступно вкладывать баснословные капиталы в СОИ, тогда как столько еще предстоит и надо сделать на земле.

ТАСС — специально для «Советской культуры. РИМ.

«Мы за разоружение»

• Гравюра народного художника ЧССР Ореста Дюбеля.

Немного предыстории

В двадцатых числах октября 1985 года в Федеративной Республике Германии разорвалась бомба. Мощная взрывная волна прокатилась по всей стране. Эхо этого взрыва не затихает до сих пор...

В двадцатых числах октября 1985 года в ФРГ вышла книга Гюнтера Вальрафа «На самом деле».

В течение двух с половины лет, предшествовавших этому событию, известный западногерманский писатель и публицист Гюнтер Вальраф был «туреющим рабочим Али Левент Зиннендоргу». С помощью парика, черных усов, темных контактных линз и нарочито ломаного немецкого языка писатель превратился в одного из более чем 4 миллионов западногерманских «гастарбайтеров» — рабочих иммигрантов из Турции и некоторых других стран, выполняющих в ФРГ самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Лет двадцать назад они были заранее нужны бурно разраставшейся промышленности. Сегодня, когда на биржах труда от Гамбурга до Мюнхена толпятся свыше двух миллионов человек, иностранцы дорогой ценой расплачиваются за социальные беды ФРГ. Их беспричинное положение усугубляется слущающейся атмосферой юмора и иронии: обеспокоенный своим будущим бундесбюргера все настоящеев настраивают на «иноzemцев». Отправились на самое дно западногерманского общества. Вернее, на целый клубок тую переплетенных проблем: положение «гастарбайтеров» — безработица — ущесечение эксплуатации — ненависть к иностранцам — национализм.

Нередко западные издатели утверждают: сегодняшним читателям, мол, нужна только развлекательная либо остросюжетная литература. А оказалось-то, что читателям нужен всесоюзный всесоюзный базис для продвижения по этому пути.

Планы американской администрации, направленные на создание пресловутого «космического щита», — это настоящие безумие, особенно в наши дни, когда на земле накопилось так много неотложных социальных и экологических проблем. Просто немыслимо и преступно вкладывать баснословные капиталы в СОИ, тогда как столько еще предстоит и надо сделать на земле.

«Здесь и далее, перевод с Г. Вальрафа, С. «Иностранная литература», № 8, 8 за 1986 г.

Из книги «На самом деле»

«Я до сих пор не понимаю, как передавать иностранцам ежедневные газеты, пронизанные националистической идеей. Но и теперь знаю, что могу приходить в гости к своим друзьям и членам своей семьи, и нам давно может занять время, чтобы вернуться в нашу страну. А ведь это апартенда имеет место у нас — в нашей демократии!»

Разоблачения Вальрафа сконцентрировали и побудили общество к реальным действиям. ФРГ. Интерес к книге был невиданным; ее первые две недели продали по 600.000 экземпляров, в декабре 1985 года тираж перевалил за миллион, в марте 1986-го книгу приобрели свыше 2 миллионов читателей. Тиражи издательства «Кильсхайзер и Уитч» едва успевали выплыть беспрерывно поступавшими.

* Здесь и далее, перевод с Г. Вальрафа, С. «Иностранная литература», № 8, 8 за 1986 г.

ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН?

Беседа по телефону с Гюнтером

Вальрафом о судьбе его книги

«На самом деле».

Фото К. Эриксона.

тизованные дома будем равномерно немецкие семьи и иностранные.

— Большинство немцев, — считает Вальраф, — достаточно доброжелательно относятся к иностранцам. Но очень многие не решаются открыто застутиться за них, предпочитают не вмещаться, когда над иностранцем творят несправедливость. У нас в стране больший дефицит гражданского мужества. Я знаю, мои книги помогут кому-то преодолеть себя.

Дефицит гражданского мужества... У Вальрафа не только хватило смелости спуститься на дно общества и написать об этом. У него есть мужество отстаивать свою книгу.

Пегла судебных процессов

Оглушительный успех книги «На самом деле», похоже, неожиданно озадачил двух ее главных «героев» — «торговых ладьев» Фогеля и стадионный концерт Тиссена. Некоторой их растерянности, видимо, и объясняется тот факт, что они лишь сейчас, спустя больше года после выхода книги, решались затянуть на Вальрафа пеньюар судебных процессов.

Впрочем, три разбирательства у него уже позади. Все три он выиграл — в том числе поединок с фирмой «Макдоналдс», содержащей во многих странах мира сеть дешевых закусочных.

— Я рассказал в книге о том, что «Макдоналдс» не принимает на работу членов профсоюзов и выгоняет тех, кто в них вступает. Но это разоблачение смущило чиновника. Фогель приговорен к одному году и трем месяцам тюрьмы условно, а также к сексхоровому штрафу в том с половиной тысячи марок.

— На процессе судья с сожалением засыпал, — комментирует этот приговор Вальраф, — что у нас нет законов, по которым мы могли бы карать подобные нарушения прав человека. Фогель судили лишь за какие-то формальные проступки, а то зло, которое он причинил многим людям, осталось безнаказанным.

В предисловии к «На самом деле» Вальраф писал: «Большая часть горожан от продажи этой книги перешла в распоряжение иностранных концернов». Рекордный тираж позволил писателю перевесить в этот фонд 1,7 миллиона марок.

— Надо сказать, что о положении «гастарбайтеров» писали и пишут в ФРГ сравнительно часто. Почему же именно книга Вальрафа стала не просто событием, а явлением в общественной жизни страны? Потому, что Вальраф не ограничился рассказом об унижениях и оскорблениях, повседневно выпадающих на долю иностранцев — он вскрыл механизм их бездейственной эксплуатации и разоблачил деятельность современных «грабителей» — фирм, обходящих поставленных временными (а значит, самых беспризорных) рабочих. Это был уже не просто упрек согражданам. Это было обвинение системе.

Из книги «На самом деле»

«Некоторым из моих товарищ работают масленицы без выходных и сокращенным рабочим сменами. У них больше нет личной жизни... Для предпринимателя это человеческие аттракции, обменный фонд, их ведь много, они выпадают очереди, чтобы получить рабо-

тую Кауфман, писательница (США):

Учиться понимать друг друга

В конце прошлого года в Москве в газете с изображением марки с изображением Семьи Смит. Простую пятниченную.

Я хотела купить много таких марок, чтобы, вернувшись домой, дарить их американцам. Но на магазине было всего несколько. Оказалось, что русские дети покупали весь тираж. Меня это тронуло чрезвычайно. Казалось бы, что им американцы Семьи Смит?

Но сам вопрос этот, я понимаю, неправомерен. Для них Семьи это многое, очень многое. Дети чувствуют, понимают, что война — это плохо, мир — хорошо. Просто ярдове вроде бы идея, но нужно быть детской чистоты и неподдельности, чтобы принять ее безоговорочно. Для советских детей Семьи стала легендой. Находясь в Москве, я это остро почувствовала.

И вдруг я увидела в газете изображение Семьи Смит. Гуманистическая культура должна быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов и другие народы — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы, и советские люди любят глаза.

Но контакты, процесс живого общения между деятелями культуры должны быть еще более интенсивными и наполненными. Наше признание — открытие своей народ для других народов для другого народа — для своего. Бывает так, что американцы, встретив советского человека, проговорят с ним, восхищаясь: «Подумать только, какой интересный человек!». Конечно, и американцы

